ЭТНИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СИНХРОННЫЙ И ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ

УДК 94(47)

DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

ТАТАРСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АСТРАХАНСКОЙ МАХАЛЛИ В НАЧАЛЕ XX В.

М.М. Имашева

*Казанский федеральный университет
Казань, Российская федерация
imashewa@yandex.ru*

На рубеже XIX–XX вв. губернская Астрахань являлась одним из признанных центров татарского мира Российской империи. По численности татарского населения, накануне революционных потрясений, астраханская татаро-мусульманская община занимала второе место, после Казани. Формировалась татарская астраханская община в течении всего XIX в. и в этническом отношении была представлена как местными, астраханскими татарами, так и татарами-переселенцами из Средне-волжских и Приуральских губерний, которые составляли до 90% процентов городской махалли. Переселившись в Астрахань, они включились в социально-экономическую жизнь региона. Большинство татарского населения Астраханской общины занимались торговлей (мелко-оптовой, розничной, мелочной) или различными промыслами – хлебопекарным, извозом, содержанием предприятий общественного питания и т.д. По имущественному положению они принадлежали к мелкой и средней буржуазии. При ее участии в начале XX в. территория татаро-мусульманской общины города Астрахани – махалля, или Татарская Слобода приняла уникальные архитектурные черты, сохранившиеся до наших дней.

Ключевые слова: Астрахань, татары, махалля, этноконфессиональное движение, предпринимательство, социально-экономическое развитие.

Для цитирования: Имашева М.М. Татарское предпринимательство в социально-экономической жизни Астраханской махалли в начале XX в. // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 235–254. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

К рубежу XIX–XX вв. Астраханская губерния в составе Российской империи являлась регионом со значительным мусульманским населением. Мусульмане-тюрки согласно данным Всероссийской переписи 1897 г. составляли треть населения губернии (около 330 тысяч среди миллиона жителей).

При этом в отличие от моноэтнических «татарских» губерний Среднего Поволжья и Приуралья мусульманское население Нижнего Поволжья было представлено несколькими тюркскими народами: казахами, татарами (астраханскими и переселенцами из Средневожских и Приуральских губерний), ногайцами, туркменами. Но только татары являлись городским населением и в течении XIX в. сформировали городскую астраханскую мусульманскую общину – махаллю.

В этническом отношении астраханская городская татарская община была многосоставной. Многие исследователи считают, что современные юртовские татары (собственно – астраханские татары), проживающие в Астраханской области, являются потомками жителей Астраханского ханства [1, с. 506–513]. В начале XX в. юртовцы проживали в селах Астраханского уезда, близ губернского центра. Одно из этих сел – Тияк (Зацаревское) стало частью города. И, как следствие, частью городской татарской общины. В дореволюционных переписях юртовцы учитывались как «астраханские татары». Это первый этнический компонент в составе махалли.

В 1556 г. Астраханское ханство пало и вошло в состав Российского государства. Новый русский город со старым именем практически сразу, с момента своего основания в 1558 г., стал центром русско-азиатской торговли. Здесь появились гостиные дворы – караван-сарай, основанные торговцами из различных стран, прежде всего восточных.

Бухарский, Гилянский и Агрыжанский гостиные дворы, в которых проживали купцы-выходцы из государств и территорий Средней Азии, Персии, Закавказья стали основой для формирования астраханской мусульманской общины. Купцы Гостиных дворов построили в городе первые мечети – деревянные, а в 1810-е гг. две каменные – Белую и Черную (сохранились до наших дней). Границы Гостиных дворов – 5 и 6 участки города, за Варвациевским каналом (Канавой) стали территорией, на которой и стала развиваться в дальнейшем астраханская татарская мусульманская община – махалля. В 1770–1780-е гг. в рамках реализации сословного законодательства Екатерины II жителям трех дворов было предписано определиться со своей подданнической и сословной принадлежностью. Тех, кто избрал российское подданство, включили во вновь созданное «астраханское городское общество» Татар Трех Дворов, для управления которым был создан специальный орган – Астраханская Татарская управа, о чем Павлом Первым был издан специальный Манифест. И хотя, собственно, этнических татар в этом обществе не было, оно стало основой формирования астраханской городской татарской общины.

К началу XIX в. числившиеся в обществе Татар Трех дворов уже были мало связаны со своей родиной, многие родились и выросли в Астрахани, женились на местных юртовских татарках и разговаривали на языке астраханских татар, о чем свидетельствует делопроизводственная документация. Записанные в 1870-е гг. после ликвидации Управы в астрахан-

ские мещане жители Трех дворов стали вторым этническим компонентом татарской общины.

Но самым значительным в численном и социально-экономическом отношении стал третий компонент. В 1820-е гг. в Астрахань устремляются первые татары-переселенцы из Средневожских и Приуральских губерний. Их привлекали возможности Волжско-Каспийского пути и близость казахских кочевий, торговля с которыми давала возможность быстрого обогащения; слабая конкуренция на астраханском внутреннем рынке, так как край был одним из самых малонаселенных в границах Российской империи; наличие местной тюрко-мусульманской общины и исторически сильные позиции ислама.

Процесс переселения татар из Средневожских и Приуральских губерний в Астрахань шел в течении всего XIX в. Особенно активны в этом отношении были государственные крестьяне и мещане Пензенской и Нижегородской губерний, которые заселили целые улицы махаллы. Татарской средней и мелкой буржуазии принадлежала значительная часть недвижимости в районах компактного проживания. Двухэтажные каменные и деревянные дома с лавками, с каретными сараями и другими хозяйственными постройками тянулись вдоль улиц татарских кварталов. Многие из них сдавались внаем. Здесь располагались хлебопекарни, кожевенные и шорные мастерские, склады лесных товаров и мануфактуры, магазины и лавки татар, многие из которых получили статус астраханских мещан [29, л. 24–25]. В среде татар-переселенцев очень прочными были земляческие связи, отразившиеся, в том числе и на характере их экономических занятий и социальных (в том числе и брачных) связей.

В 1890-е гг. число состоятельных мусульман в городе неуклонно увеличивается. В выборах в Городскую Управу 1891 г. по первому разряду (то есть самых состоятельных владельцев недвижимости в городе) числилось 78 лиц, 7 из них (9%) были мусульманами, в основном азербайджанцами («персами» по описи). Во втором разряде числилось 445 лиц, 15 из них (3,4%) были мусульманами (азербайджанцы, татары и ногайцы). По третьему разряду в ведомости значатся 6088 человек, мусульман из них – 812 (13,3%). Причем «персов» (азербайджанцев) было всего 46 человек, 4 хивинца-узбека, 3 туркмена. Остальные – татары и ногайцы [20, л. 25–49].

К сожалению, в советской и российской историографии история астраханской городской татарской общины практически не получила освещение. На наш взгляд, этому способствовали периферийное положение региона и удаленность от центра исследования истории татарского народа – Казани. Хотя историки Х. Хасанов, А. Амирханов, Р. Салихов, И. Тагиров [1, 43, 45, 46] затрагивали отдельные аспекты истории астраханских татар и местной буржуазии в дореволюционный период, но их исследования носили фрагментарный характер. Этническая история астраханских татар исследована в работах Д. Исхакова, язык астраханских татар в рабо-

тах Л. Арсланова, но вопросы социально-экономической истории авторами не затрагивались совсем [1, 38].

В результате миграций татар астраханская татарская городская община к началу XX в. оказалась одной из самых многочисленных в Российской империи. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения (1897 г.) статусу крупной татарской городской общины соответствовали несколько городов: Казань (28520 чел. обоего пола); Астрахань (16959 чел.); Семипалатинск (14660 чел.); Оренбург (13257 чел.) [37, с. 324–326]. При этом процентное отношение татаро-мусульманского населения к общей численности горожан в этих достаточно больших городах составляла не более одной пятой части: в Казани – 21,8%, в Астрахани – 15%, Оренбурге – 18,6% [36, с. 37].

Татарский поэт Сагит Рамиев, в это время проживавший в Астрахани и работавший в редакции газеты «Идель», не раз отмечал, что Астрахань – третья культурная столица татар, после Казани и Оренбурга [34]. Действительно, в начале XX в. астраханская татарская община стремительно преобразовалась. Татары включались в общественные процессы общегосударственного и регионального масштабов (например, участвовали в выборах кампаниях в местные органы самоуправления и представительные органы империи), создали благотворительное и культурно-просветительские общества, инициировали издание газет и журналов на татарском языке, а также национальной школы вне рамок конфессиональной общины. На средства городской татарской буржуазии были выстроены каменные и деревянные мечети, здания приходских училищ – мектебе и медресе, приобретены общественные здания.

Особую и определяющую роль в этом сыграли астраханские татары-предприниматели. Феномен татарского предпринимательства отложил отпечаток на весь облик астраханской махалли. Двухэтажные дома с лавками и магазинам, каретными сараями и подсобными помещениями, здания мечетей и мектебе украсили улицы татарской махалли. Многие из них сохранились до наших дней и составляют неповторимый колорит одного из центральных районов Астрахани, прилегающего к рынку с говорящим названием «Татар-базар».

Что подразумевается под термином «татарское предпринимательство» применительно к региону Нижнего Поволжья? На наш взгляд – это обособленная этносоциальная группа татар города Астрахани (как местных уроженцев, так и переселенцев из Средневолжских и Приуральских губерний), которые в начале XX в. составили имущую часть местной городской общины, занимались здесь торгово-экономической деятельностью.

На рубеже XIX–XX вв. татарское население города компактно проживало на территории 5 и 6 участков города, где и располагалась Татарская слобода (махалля), а также заселили несколько кварталов 4 участка, прилегающих к крупнейшему городскому рынку Большие Исады.

В этот же период сформировалась не только территория общины, но и оформились основные направления хозяйственно-предпринимательской деятельности, в которых татары в Астрахани оказались наиболее успешны. Подавляющее большинство астраханских татар-предпринимателей в предреволюционный период принадлежали к средней и мелкой буржуазии. Крупных капиталов в Нижнем Поволжье представителям татарского капитала накопить не удалось, прежде всего, в связи с достаточно поздним по времени процессом колонизации края средневожскими татарами. Из крупнейшей татарской буржуазии наиболее прочно свою жизнь с Астраханью связали купцы, Потомственные Почетные граждане Казаковы – родоначальник династии Мухамеджан, его сыновья Мухамедшакир и Мухамедрахим [33, с. 211].

Одним из видов деятельности было содержание харчевен-кухмистерских. Их, а также съестных лавок, азиатских кебавен в Астрахани в начале века было столько, «сколько едва ли найдется в другом каком-либо городе России» [5]. В 1907 г. в Астрахани было зарегистрировано 114 кухмистерских, съестных лавок, кебавен и т.п. заведений, 59 из них (52%) – татарские. В 1 участке города – 38 заведений, 14 из них принадлежали мусульманам (в основном татарам). Во втором участке татары открыли 13 из 21 заведений. В 3 участке – 11 из 24. В 4 участке – 8 из 12, в 5 – 9 из 15, в 6 – 4 из 4. Кроме того, во второй половине 1907 г. были открыты еще 29 подобных заведений, 15 из них – татарами [15, л. 1–82].

Особым видом предпринимательства татар в Астрахани стал хлебопекарный промысел. Этого рода предприятия принадлежали исключительно татарам – выходцам из Средневожских и Приуральских губерний. В конце XIX в. татары охотно арендуют у города различные торговые места для торговли хлебом. Так, в 1884 г. из 32 торговых мест для торговли хлебом на рынке Малые Исады, 21 было арендовано татарами на пятилетний срок [42, с. 46–49].

Исключительно «татарским» видом торговли стала торговля кумысом в розлив из своих домов, а также содержание специальных заведений – кумысных. «В Астрахани кумыс продается в выходах татарами как квас, и находится в большом ходу. Продается же он круглый год, даже зимою» [7]. Кумысу приписывались различные лечебные свойства и в 1911 г. по настоянию татарской общественности города для лечения кумысом от туберкулеза в Астрахань приехал Габдулла Тукай.

Кроме того, трое предпринимателей-татар содержали постоянные дворы на Конной площади (в 3 участке города). Два постоянных двора принадлежали семье Нугаевых. В собственном доме располагался постоянный двор Ибрагима Абдул Вагаповича, в арендованном доме Алексеева содержал постоянный двор его отец Абдул Вагап Абдуллоевич. В доме Смирнова располагался постоянный двор Юсупа Еманкулова. Всего в городе в 1908 г. было 13 постоянных дворов [22, л. 44 об. 47].

Сферы предпринимательской деятельности татар в Астрахани реконструируются на основе анализа архивных документов. В 1900 г. в Астраханской казенной палате было «выбрано» 756 свидетельств на «промышленные предприятия», то есть на различные мелкие ремесленные производства и промыслы. Из них 95 свидетельств (12,5%) были получены мусульманами, подавляющее большинство которых – 84, были татарами, выходцами из Пензенской, Нижегородской и Казанской губерний. Среди них очень четко обозначилась специализация: пензенцы занимались печением хлеба, нижегородцы извозом и содержанием кузниц, казанцы выделкой кож и портновским делом. В целом виды занятий выглядели так: хлебопекарное производство (курень, пекарня, чуречная, калачная мастерская и т.д.) – 28, извозчики – 28, кузницы – 10, портновская мастерская – 6, кожевенная мастерская – 7, мастерская золотых и серебряных изделий – 5, содержание буфетов и кухмистерских – 4, салотопенные заводы – 2, по одному – мыловаренный завод, ведерная мастерская, шорная мастерская, сапожная мастерская. Большинство мастерских были расположены в традиционных местах проживания татар в городе – 5 (45) и 6 (16) участках города, в 4 участке – 12, в 3 – 10, во 2 – 5, в 1 – 7 [21, л. 1–50].

В 1911 г. таких свидетельств казенной палатой было выдано 902 промысловых свидетельства, из них 86 – мусульманам (9,5%). Хлебопекарным производством в этом году занимались 46 татар, большинство в собственных домах; извозом – 17; торговлей персидскими фруктами – 1; мыловарением, шорным делом, содержанием ведерной мастерской – по 1; кузнечным делом – 2; выделкой кож и мехов – 4; содержанием мастерских медно-слесарных работ – 2; кожевенных заводов – 2 (в т.ч. Ады Ходжаев). Вместе с тем видим новые виды предпринимательства: один житель Дербента открыл во 2 участке парикмахерскую; в 5 участке Абдрахман Умеров содержит типографию; три персиянина содержат артели грузчиков; 10 предпринимателей занимались переработкой рыбы в 3 участке [14, л.1–100об.].

Практически полностью «татарским» видом предпринимательства становится так называемая агарянская торговля – скупка и перепродажа разного железного и другого «хлама». Товар скупался татарами-старьевщиками в домах горожан, а продавался в лавках в центре города.

В 1909 г. на 4 года (до 1913 г.), Городская Управа заключала контракты с желающими снять лавки в Каменном корпусе на Агарянской площади (как мы видим описываемый род торговли обозначили даже в городской топонимике). Из 47 заключенных контрактов 31 был заключен татарами – выходцами из Инсарского и Чембарского уездов Пензенской губернии. Лавки располагавшиеся ближе к выходу арендовались за значительную сумму – до 550 руб. За маленькие и находившиеся в глубине корпуса лавки платили 60–70 руб. В среднем аренда лавки обходилась в 200–260 руб. в год [23, л. 3–64].

Как известно, татары в Средневолжских губерниях и, особенно, в Казанской, весьма успешно развивали кожевенное производство. В Астра-

ханской губернии этот вид производства также получил развитие. Пристав 5 полицейского участка в 1910 г. представил Полицмейстеру города сведения о кожевенных и овчинных складах по 5 участку г. Астрахани. Из 7 подобных заведений, только 1 принадлежал татарину. На 2-й Бакалдинской улице Исмятулла Ахметович Байбеков в собственном доме содержал амбар для хранения выделанных шкур. Также среди лиц, временно хранящих невыделанные сырые кожи и занимавшихся скупкой и перепродажей, значились: Мухаммед-Шариф Кардашев, проживавший в собственном доме на Черномечетной улице; Аджи Гайфуллин, тоже имевший собственный дом на Черномечетной улице; Аджи Махмут Айтмамбетов – собственный дом, Персидская улица; Ильяс Адельшинов – собственный дом, Черномечетная улица; Махмут Адельшинов – там же [29, л. 24–25].

Подобного рода предприятия на рубеже XIX–XX вв. начинают открывать юртовские татары в пригородной Зацаревской слободе (село Царев, Тияк). Впервые такого вида предприятия фиксируются в «Росписи города Астрахани» за 1884 г. Из 20 сданных городской управой в аренду кожевенных и овчинных заводов на 6 лет (с 1879 г.), два арендовали юртовские татары. Каждый площадью в 100 кв. саж. и с платежом 25 руб. в год [42, с. 15].

Большинство богатых татар города занимались сразу несколькими видами предпринимательства. Так Ады Ходжа Ахун Ходжаев в 1897 г. владел лесной пристанью у Пороховых складов, а также торговлей кошмами во 2 участке в Табачном ряду, в доме Репина; бакалейной торговлей в 6 участке на Большой Царевской улице в собственном доме; складами кож и овчинами в 5 участке в собственном доме [24, л. 114–115 об.].

В 1901 г. у Ады Ходжаева уже был кожевенный завод на Цареве (в 6 участке); торговля овчинами у городских боен там же; две лесные пристани у Пороховых погребов также в 6 участке; бакалейный магазин и два больших складских помещения в том же 6 участке [32, л. 185].

В Астрахани в начале XX в. огромную роль играли ремесло и кустарная промышленность. На Нижней Волге они оказались достаточно устойчивыми формами производства и играли очень значительную роль в экономике региона [44, с. 2].

Богатые татары брали сразу по несколько свидетельств на торговые предприятия. В 1907 г. братья Эрембетовы – Курбангали и Мухамедрахим Усмановичи помимо купеческого свидетельства взяли свидетельства на торговлю мерлушками и кожами, склад продукции. Жиганша Мингажетдинович Маракаев – на мучную и бакалейную торговлю в 5 участке на два склада. Гайнутдин Шарафетдинович Мукминов, помимо свидетельства купца 2 гильдии, взял свидетельство на торговлю мануфактурой и азиатской обувью во 2 участке города, на Больших Исадах в 4 участке, а также на 2 склада. Кроме того, от имени «Товарищества Бр. Мукминовых и Г. Хасанова» было взято свидетельство на торговлю все той же мануфактурой и азиатской обувью на Татарском съезде во 2 участке города, а так-

же на склад. Ады Ходжаев взял 6 свидетельства: на торговлю мануфактурой и бакалеей в собственном доме в 6 участке; кожами и овчинами в доме Кардашева в 6 участке; на разбивку барж на дрова на берегу Волги; на разбивку погребов на дрова в 6 участке; на кожевенную торговлю и склад на Татар-базаре [19, л. 1–203].

Выгодной статьей бизнеса среди состоятельных татар города стала сдача внаем домов. Дома сдавали не только под квартиры и лавки, но также под гостиницы, харчевни, учебные заведения, постоянные дворы и т.д. У купца Ахмеджана Кардашева в 1909 г. внаем сдавалось три дома: на Черномечетной улице под № 57 и № 55, на углу Измайловской и Узенького переулков под № 9. Айтмамбетов сдавал два дома по Измайловской улице – № 26 и № 28. Ахметов – три: № 24 по Измайловской улице, № 99 по 2-Бакалдинской, № 32 по Персидской [28, л. 42 об.].

Впрочем, основная часть населения Татарской слободы не отличалась большими доходами. Большое место в этой среде занимали «малоприбыльные» виды предпринимательства – мелочная торговля, извоз. В 1907 г. в 5 («татарском») участке Астрахани из 414 торговых предприятий 170 принадлежали татарам (41%).

Мелочной торговлей занимались 63 предпринимателя (годовой оборот от 1 до 2,5 тыс. руб.). Бакалейная торговля была второй по популярности – 38 лавок. Торговые обороты здесь были выше – от 3 до 10 тыс. рублей (редко 1–2 тыс.).

Извозным промыслом владели 19 татар – в основном выходцы из Нижегородской губернии. Кто-то обходился одним экипажем и зарабатывал едва-едва 200 руб. в год. Кто-то содержал несколько экипажей и имел возможность платить наемным кучерам по 6–10 руб. в месяц.

Хлебопекарных предприятий было 12 (оборот от 1 до 3 тыс. руб.). В пекарни, как правило, нанимали 1–2 рабочих, с зарплатой 80–100 руб. в год. Татары в городе считались признанными хлебопеками (куренщиками), они были главными поставщиками чуреков – плоских, довольно больших, круглой формы лепешек [39, с. 30]. Торговлей мясом занимались 10 торговцев (оборот от 800 до 8000 руб.). Обходились силами семьи.

Содержанием харчевен и кухмистерских занимались 8 человек (оборот составлял от 600 до 2400 руб. в год). Портновских мастерских было 6 (оборот 800–1500 руб.), здесь также использовали наемных рабочих, с зарплатой 100–120 руб. в год.

Кузниц было пять. Содержались пензенскими и нижегородскими татарами. Оборот 1000–1500 руб. Обходились или силами семьи или за 60–80 руб. в год нанимали одного-двух рабочих. Также в 5 участке татары содержали: колесную мастерскую, шорную мастерскую, шапочную мастерскую, две мастерские по выделке мехов, медную мастерскую, мастерскую золотых и серебряных изделий, две лавки по торговле керосином [31, л. 1 об.–62].

Как отмечают исследователи татарского предпринимательства начала XX в. [1, 43, 45], именно это время «ознаменовало собой качественно новый этап в развитии татарского предпринимательства. Татарские предприниматели в частности, и мусульманские, вообще, завоевывают все новые рубежи, несмотря на серьезные преграды (конфессионального и этнического характера) со стороны русской буржуазии и самодержавного правительства. И этот новый этап связан с пробуждением этноконфессионального сознания, формированием новых социальных институтов и форм социальной активности татарского народа на всем пространстве Российской империи. Не осталось в стороне и астраханское татарское предпринимательство.

Средняя и мелкая татарская буржуазия (или «татарское предпринимательство») Астрахани в конце XIX в. постепенно включается в общественные процессы, проходивших в это время в стране. Она стала единственным «спонсором» всех социальных мусульманских проектов в регионе в рассматриваемый период. Первый опыт связан с участием в местном самоуправлении.

После Городской реформы 1870 г. у имущей части городских жителей появилась реальная возможность участия в органах городского самоуправления. Но астраханская мусульманская община не спешила воспользоваться этим. Вплоть до революционных событий 1905–1907 гг. и институализации общественного движения татары не принимали практически никакого участия в городском общественном управлении.

В 1905 г. астраханские мусульмане (с учетом шиитской общины) составили 5,8% от общего числа горожан имевших право участия в местном самоуправлении [30, л. 13 об.–117]. Согласно «Делу о личном составе Астраханского городского общественного управления за 4-летие с 1909 г. (сведения о гласных думы)» [17, л. 14–43], среди 14 гласных пятого избирательного участка четверо были мусульманами.

Гласным от 6 избирательного участка стал Ады Ходжа Ахун Ходжаев. Это были состоятельные торговцы и видные члены общины, зарекомендовавшие себя в благотворительных и культурно-просветительских организациях астраханских мусульман [6]. Все татарские депутаты приняли активное участие в деятельности Думы, став членами Строительной, Ревизионной комиссий и Учетного комитета [41].

На выборах в Городскую Думу на четырехлетие 1913–1917 гг. мусульманская городская община выдвигает целый ряд кандидатов, вырабатывает тактику предвыборной борьбы. В результате по 5 и 6 участкам были выбраны девять гласных из числа татар. Впервые в истории городского самоуправления из 80 гласных 9 оказались мусульманами (7,2%), а если говорить о 5 и 6 участках города, то они составили здесь одну третью часть городских депутатов (5 из 15 и 3 из 14 соответственно) [4].

В ходе избирательных кампаний начала XX в. общероссийского масштаба (выборы в Государственную Думу Российской империи) средняя и мелкая татарская буржуазия города Астрахани с ее традиционной замкнутостью и круговой поддержкой становится одним из главных электоральных элементов, способных оказать серьезное влияние на результат политического выбора горожан. Благодаря позиции лидеров астраханского мусульманского движения, близких партии кадетов, татарское население 5 и 6 участков последовательно голосовали за кандидатов от этой партии, которые и представляли в итоге Астрахань в Государственной Думе всех четырех предреволюционных созывов [25, л. 213].

Накануне революции 1917 г. в городе действовало 14 мусульманских суннитских приходов, прихожанами которых были татары и один мусульманский шиитский приход при Персидской мечети, прихожанами которой, несмотря на название, были в основном азербайджанцы.

Все суннитские мечети (пять каменных и девять деревянных) были выстроены на пожертвования татарских буржуа в течении XIX – начала XX вв. Некоторые даже получили неофициальные названия в честь меценатов – Казаковская, Ниязовская, Алиевская. Казанские купцы Мухамеджан и Мухамедшакир Казаковы, владевшие большой чаеразвесочной фабрикой в Астрахани [33, с. 212], оказали финансовую поддержку при строительстве трех мечетей в 1880–1910-е гг. – Большеисадинской, Казаковской («Ваххабия»), Криушинской.

Согласно данным документов отложившихся в Государственном архиве Астраханской области, помимо семьи Казаковых, значительные средства на строительство этих мечетей выделили татары-предприниматели, по инициативе которых и образовывались новые приходы. Как правило, эти новые приходы были организованы по земляческому принципу, они же инициировали назначение имамов из среды своих земляков. Так, торговец «средней руки» с рынка Большие Исады, уроженец Пензенской губернии Хабибулла Мусьякаевич Горбунов в 1895 г. подарил участок земли на рынке обществу татар, проживавших на ближайших улицах. Он инициировал строительство новой каменной соборной мечети на нем. Первым имамом мечети, выстроенной к 1901 г. стал Фейзулла Фетхуллов – также уроженец Пензенской губернии. Как следует из материалов архивного дела, большую часть средств, поступивших от татар-пензенцев (всего до 200 человек), собрали предприниматели с рынка Большие Исады [11, л.1–81].

Таким же образом была выстроена Криушинская мечеть. Ее возвели на свои средства татары-переселенцы из Нижегородской губернии. Владельцы хлебопекарен и извозничьего промысла Хасян Мифтахетдинов и Хабибулла Абудшиев инициировали строительство соборной каменной мечети близ ерика Криуша в 5 участке города Астрахани на средства, собранные их земляками (180 человек). Мечеть была торжественно открыта в

апреле 1907 г. Возглавил ее имам, уроженец Нижегородской губернии Нурмухамед Асфандияров. Его кандидатура была выдвинута махаллей [13, л. 1–34].

Казаковская мечеть, построенная в 1898 г., как следует из названия, была построена на деньги купцов Казаковых, о чем свидетельствует и табличка, которая установлена при входе в здание мечети. Инициатором строительства этой мечети в 1880-е гг. выступило общество местных, астраханских татар, во главе с признанным знатоком «мусульманского закона» Абдурахманом Абдул Вагапом (отсюда второе название мечети – Вагаповская или «Ваххабия»). Но астраханские татары, составившие приход мечети, оказались не в состоянии собрать нужную сумму. И лишь помощь Казаковых способствовала завершению строительства. Мечеть и медресе при ней в начале XX в. стала центром притяжения реакционного мусульманского духовенства и кадимистского образования в регионе [10, л. 1–10].

В 1913 г. во время празднования 300-летия дома Романовых татарская буржуазия Астрахани выступила с инициативой строительства каменной соборной мечети. Она должна была быть самой большой в Нижнем Поволжье и называться «Романовской». Планировалось открыть при мечети Татарскую учительскую школу. Вплоть до начала Первой Мировой войны татарская буржуазия города собирала деньги на реализацию этого проекта [9, л. 52–56].

При мечетях действовали приходские школы – мектебе и медресе, содержавшиеся на средства прихожан. Здания этих учебных заведений строились и содержались за счет мусульман. Понятно, что наиболее имущие члены приходов – татарские предприниматели, являлись основными «жертвователями» на нужды приходских школ. В фондах ГААО сохранилось несколько дел, в которых содержатся документы с просьбами представителей астраханских мусульманских приходов в адрес Губернского правления об оказании «материального пособия» этим школам. Но практически все они встречали отказ. Так, в сентябре 1914 г. заведующий приходскими мужским и женским мектебе при Казаковской мечети Абдурахман Алиев направил в Городскую Думу прошение об ассигновании суммы необходимой для покрытия коммунальных нужд училища. На тот момент в мужском отделении обучалось до 200 мальчиков, в женском – до 100 девочек. Средств, собираемых с родителей, хватало лишь на выплату жалования учителям – 4 в мужском и 4 в женском отделениях. Мектебе же требовалось дополнительно до 1700 рублей в год – на наем помещения для женского отделения 500 руб., на сторожей 300 руб., на отопление 400 руб., на освещение 300 руб. И так как помощи больше ждать было неоткуда, А. Алиев обратился за помощью к городским властям [18, л.1]. Ответ был отрицательным. Гласные на заседании 8 ноября 1914 г. «в связи с увеличением расходов на военные нужды», высказались за «отклонение хода-

тайства муллы Алиева о назначении пособия на содержание татарских училищ в 1915 г.» [18, л. 2]. И вновь выручила семья Казаковых, которая выделила необходимые средства на поддержку школы.

Выступая главным спонсором приходского образования, татарская община в лице своих лидеров выдвигала и требования к уровню преподавания в школах. Очень показательна в этом плане история муллы и мугаллима, уже упоминавшегося выше, Нурмухамеда Асфандиярова. Возглавив в 1909 г. приход и мектебе Криушинской мечети, он почувствовал себя полноправным хозяином. В 1912 г. разгорелся скандал, когда татары-прихожане – члены попечительского совета, обратились к губернским властям с просьбой отстранить имама. В качестве аргументов выдвигались недобросовестное расходование денег, жертвуемых прихожанами на нужды мечети и мектебе; а также насаждение кадимистских методик преподавания, отказ от преподавания русского языка; негативное отношение к царской фамилии и государственной власти. В итоге Н. Асфандияров был не только отстранен от прихода и мектебе, но обвинен в проповедовании идей панисламизма и выслан из Астрахани под административный надзор полиции в 1913 г. [26, л. 1–34].

На средства татарских предпринимателей в начале XX в. приобреталась и иная недвижимость. В 1907 г. было приобретено здание для культурно-просветительского общества «Шурай-Ислам», перешедшее в 1913 г. Попечительству о бедных татарах (мусульманах) г. Астрахани. Согласно документам, деньги на приобретение здания (15 тысяч рублей) собрали по подписке среди татарской буржуазии города [16, л. 1–1 об.].

Всего в 1901 г. в городе Астрахани работала одна министерская школа (русско-татарская школа), в ней преподавали 3 учителя, обучалось 63 мальчика. Также в городе действовали четыре мектебе, в которых работало 6 учителей-мугаллимов, обучались 140 мальчиков и 63 девочки. В шести городских медресе 7 учителей-мугаллимов обучали 340 мальчиков. Итого на многотысячное мусульманское население приходилось 11 начальных учебных заведений с 16 учителями, в которых обучалось 543 ребенка мужского и 63 женского пола [8, л. 35]. Особо востребованным стало новометодное медресе «Низамия», основателем и директором которого стал ученик Ш. Марджани Абдурахман Умеров. Шакирды приезжали учиться в них со всего юга России. Все учебные заведения содержались за счет татарского населения. Плата в год составляла от 3 до 40 рублей в год. Причем некоторые имущие члены махалли оплачивали обучение не только своих детей, но и детей из бедных семей.

Предприниматели-татары выступили инициаторами создания школы вне конфессиональной общины. На средства культурно-просветительских обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия», членами которых были все более-менее состоятельные татары города, были открыты начальные

школы. Особо успешной стала школа «Даруль-Эдеп», действовавшая в 1906–1912 гг. Когда астраханское мусульманское общественное движение вступило в полосу кризиса и в итоге в 1913 г. общество «Шурай-Ислам» прекратило свою деятельность, закрылась и школа. Единственная причина – отсутствие финансирования. Так как в период работы школы основным источником ее существования были членские взносы и различные добровольные пожертвования, то развал общества привел и к закрытию школы [16].

Сами культурно-просветительские общества стали самым ярким выражением общественной активности татарского предпринимательства в регионе. В 1906 г. было создано общество «Шурай-Ислам», сплотившее в своих рядах молодых (преимущественно от 25 до 40 лет) представителей мелкой и средней татарской буржуазии Астрахани. Оно стало первым обществом такой направленности в Российской империи.

Младотатарская ориентация деятельности общества и близость к кадетской партии, открыто высказывавшиеся идеи обновленчества, оттолкнули от общества наиболее имущую и консервативную часть татарской буржуазии города. Пожилые татарские буржуа, объединившись с духовенством в 1907 г. создали свое общество – «Джамияти-Исламия», которое стояло на умеренных позициях реформаторства, обозначавшихся в жандармских сводках, как «правое» в татарском движении. Активным периодом деятельности обществ стали 1908–1910 гг., в которые в обществе «Шурай-Ислам» состояли более 300 человек, а в обществе «Джамияти-Исламия» до 150 – представители наиболее имущей и консервативной, к тому же пожилой (средний возраст членов общества 50–70 лет) части астраханской мусульманско-татарской общины [25, л. 1–112].

На общих собраниях бурно обсуждались самые насущные вопросы развития «мусульманской нации» как в регионе, так и в стране в целом. На первом месте всегда стояли вопросы о национальном образовании, сотрудничестве с мусульманской фракцией Государственной Думы, необходимость участия в общероссийских и региональных избирательных кампаниях и др. Делегаты от астраханской мусульманской общины направлялись на II–IV съезды партии «Иттифак-аль-Муслимин».

На Втором мусульманском съезде 13–23 января 1906 г. в Санкт-Петербурге было принято решение разделить территорию России на 16 районов, населенных мусульманами. Во главе каждого района планировалось создать меджлис. Меджлис Нижне-Волжского района (пятый в списке) планировалось избрать в Астрахани, что свидетельствует о том, что астраханская мусульманская община в тот период рассматривалась в качестве значимой составляющей мусульманского мира России. Но по отношению к Астрахани это решение не было выполнено и меджлиса (совещательного собрания) здесь так и не возникло [25, л. 265, 269]. Объяснить

это можно острой конкурентной борьбой между обществами и лидерами обществ, приведших в итоге к их закрытию в 1913 г.

Временем наибольшего расцвета общественного татаро-мусульманского движения в Астрахани были 1908–1911 гг. При каждом обществе действовали начальные школы с курсом русского языка и с мужским и женским отделениями. Каждое общество издавало свою собственную газету на татарском языке – «Бургани-Таракки» (общество «Шурай-Ислам») и «Идель» (общество «Джамияти-Исламия»). Эти периодические издания получили признание во всем татарском социуме империи и считались общероссийскими.

В издательствах Мустафы Измайлова (лидера общества «Шурай-Ислам») и просветителя Абдурахмана Умерова помимо упомянутых газет в предреволюционный период выходили в свет и другие периодические издания, сатирические журналы, художественная, религиозная и учебная литература [40, с. 112].

Единственным источником существования этих обществ были членские взносы и сборы по подписке, осуществлявшиеся на общих собраниях. Членские взносы в «Шурай-Ислам» составляли 2 руб. 50 коп. (при общей численности в 300 человек получалась значительная сумма), в «Джамияти-Исламия» – 3 руб. в год. На собраниях, согласно документам ГААО, собиралось единовременно до одной тысячи рублей [25, л. 88 об.].

В начале XX в. в Астрахани возник и успешно работал татарский национальный театр. Представления труппы собирали настоящие аншлаги. На сцене шли пьесы на злободневные темы, авторами которых были Г. Камал, Г. Ильяси, К. Тинчурин; а также переводные пьесы русских драматургов. Большую роль в становлении профессионального театра в Астрахани сыграл Нариман Нариманов, отбывавший в Астрахани в 1909–1912 гг. административную ссылку. Средства от спектаклей шли на благотворительные нужды. Также по инициативе Н. Нариманова (врача по образованию) и А. Каримова (провизора) были организованы и успешно проводились лекции по санитарно-гигиеническому и медицинскому просвещению мусульман [27, л. 42].

Благотворительность стала не только основным направлением в деятельности мусульманских культурно-просветительских обществ, но и специально созданного в 1896 г. Попечительства о бедных татарах города Астрахани (с 1908 г. – о бедных мусульманах). Период наибольшей активности общества приходится 1908–1916 гг., когда татарская буржуазия города стала активно жертвовать на различные благотворительные проекты. После закрытия обществ «Шурай-Ислам» и «Джамияти-Исламия» в 1913 г. Попечительство осталось единственным общественным институтом татаро-мусульманской общины региона. Получив собственное здание, оно перерегистрировало на себя школу «Даруль-Эдеп», открыло приют для та-

тарских детей-сирот на 20 человек, сконцентрировало в своих руках помощь семьям военнослужащих и раненым солдатам в годы Первой Мировой войны [20, л. 8].

Несмотря на то, что в Астрахани не возникло многомиллионных татарских состояний, не было купцов-татар первой гильдии, а во второй в разные годы начала XX в. состояли только три фамилии – Эрембетовы, Кардашевы и Адельшиновы (семья Казаковых числилась в первогильдейском купечестве Казани), в городе сложился феномен татарского предпринимательства. Татарская средняя и мелкая буржуазия стала источником финансирования всех основных социально-значимых проектов в рассматриваемый период. Без финансового участия татарской буржуазии было бы невозможно реализовать ни один проект по строительству каменных мечетей, общественных и школьных зданий, издания периодики и т.д. Когда в конце 1911 г. наиболее имущая часть членов общества «Шурай-Ислам» отказала в финансовой поддержке председателю Мустафе Измайлову, это привело к закрытию и самого общества и всех инициированных им проектов [25, л. 151].

Астраханская татарская община на рубеже XIX–XX вв. стала одним из центров общественного татаро-мусульманского движения в России. Благотворительное и культурно-просветительские общества способствовали вовлечению татарской буржуазии города в социально-значимые, культурно-ориентированные проекты и акции. Сегодня здания мечетей, украшающие улицы Астрахани, сохранившиеся в библиотеках номера периодических изданий, являются достоянием культуры всего татарского народа. Школы, основанные и содержавшиеся в начале XX в. за счет средств татарских буржуа, стали в регионе центрами подготовки нового поколения татарской интеллигенции, врачей, педагогов, которые приняли участие в строительстве новой советской государственности.

В целом, в предреволюционный период, астраханская татарская община, благодаря социальной активности национальной буржуазии, смогла преодолеть традиционную этноконфессиональную замкнутость, став неотъемлемой частью социокультурного и экономического пространства Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX в.: Исторические зарисовки. Казань: Татиздат, 2005. 168 с.
2. Арсланов Л.Ш. Юртовских татар (астраханских ногайцев) язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Кыргызстан, 1997.
3. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Вектор, 2001. 688 с.
4. Астраханский вестник. 24 января 1913 г. № 20.
5. Астраханский листок. 18 ноября 1902 г. № 167.

6. Астраханский листок. 14 декабря 1908 г. № 271.
7. Астраханский справочный листок. 12 сентября 1867 г. № 96.
8. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465.
9. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1364.
10. ГААО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 1418.
11. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 53555.
12. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54433.
13. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54630.
14. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 65.
15. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3468.
16. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 22984.
17. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 24716.
18. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 28980.
19. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 33466.
20. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 34574.
21. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 37075.
22. ГААО. Ф. 94. Оп. 8. Д. 214.
23. ГААО. Ф. 94. Оп. 8. Д. 331.
24. ГААО. Ф. 94. Оп. 13. Д. 37.
25. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.
26. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 410.
27. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 514.
28. ГААО. Ф. 290. Оп. 3. Д. 521.
29. ГААО. Ф. 290. Оп. 4. Д. 1330.
30. ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3171.
31. ГААО. Ф. 687. Оп. 1. Св. 375. Д. 16.
32. ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 2751.
33. Губайдуллин С. Казаковы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 2. С.210–216.
34. Доктор Нариманов бэк Нариманов жэнабларын озату мэрасиме // Идел. 1913. 16 июль. № 571.
35. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2004. 303 с.
36. Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань: Татиздат, 2014. 423 с.
37. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и авт. введ. ст., коммент. и прилож. Д.Ю. Арапов. М.: МГУ, 2001. 366 с.
38. Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. Казань: Магариф, 2002. 79 с.
39. Круковская Е. Астраханский край. По родной земле. СПб., 1904. 124 с.
40. Курмансеитова А.Х. У истоков ногайской книги (XIX – начало XX вв.). Черкесск: КЧГИ, 2009. 216 с.
41. Прикаспийский край. 06 марта 1911 г. № 90.
42. Роспись г. Астрахани на 1884 г. Астрахань, 1884.
43. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань: Фан, 2004. 260 с.

Имашева М.М. Татарское предпринимательство в социально-экономической жизни Астраханской махаллы в начале XX в.

44. Сергеев А.П. Промышленность Нижнего Поволжья в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 1971.

45. Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль-июль 1917 г.). Казань: КГУ, 1977. 216 с.

46. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татариздат, 1977. 327 с.

Сведения об авторе: Имашева Марина Маратовна – доктор исторических наук, доцент кафедры российского регионоведения, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); imaschewa@yandex.ru

TATAR ENTREPRENEURSHIP IN SOCIO-ECONOMIC LIFE OF THE ASTRAKHAN MAHALLA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

M.M. Imasheva

*Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
imaschewa@yandex.ru*

At the turn of the 19th–20th centuries, provincial Astrakhan was one of the recognized centers of the Tatar world in the Russian Empire. On the eve of the revolutionary upheavals, the Astrakhan Tatar-Muslim community took the second place in terms of the Tatar population, after Kazan. The Tatar Astrakhan community was formed throughout the 19th century and was ethnically represented by both local, Astrakhan Tatars and immigrant Tatars from the middle Volga and Ural provinces, who constituted 90% of the city's mahalla.

Having moved to Astrakhan, they joined the socio-economic life of the region. The majority of the Tatar population of the Astrakhan community were engaged in trade (small-scale wholesale, retail, and huckstery) or various trades – baking, transportation, maintenance of public catering enterprises, etc. By property status they belonged to the small and middle bourgeoisie. With their involvement in the early twentieth century, the territory of the Tatar-Muslim community of Astrakhan-Mahalla, or Tatar Quarter (Tatarskaya Sloboda) adopted unique architectural features that have been preserved to the present day.

Keywords: Astrakhan, Tatars, mahalla, ethno-confessional movement, entrepreneurship, socio-economic development.

For citation: Imasheva M.M. Tatar entrepreneurship in socio-economic life of the Astrakhan mahalla in the early twentieth century. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 235–254. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.235-254

REFERENCES

1. Amirhanov R.U. *Tatarskij narod i Tatarstan v nachale XX veka: Istoricheskie zarisovki* [The Tatar people and Tatarstan in the early twentieth century: Historical sketches]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2005. (In Russian)
2. Arslanov L.Sh. *Yurtovskikh tatar (astrakhanskikh nogajtsev) yazy'k* [Yurt Tatars (Astrakhan Nogai) language] // *Yazy'ki mira: Tyurkskie yazy'ki* [Languages of the world: the Turkic languages]. Bishkek, Ky'rgy'zstan Publ., 1997. (In Russian)
3. Artamonov M.I. *Istoriya khazar* [The history of the Khazars]. St. Petersburg, Vektor Publ., 2001. (In Russian)
4. *Astrakhanskij vestnik* [Astrakhan bulletin]. January 24, 1913, no.20. (In Russian)
5. *Astrakhanskij listok* [Astrakhan leaf]. November 18, 1902, no.167. (In Russian)
6. *Astrakhanskij listok* [Astrakhan leaf]. December 14, 1908, no.271. (In Russian)
7. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.1. Op.2. D.1465. (In Russian)
8. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.1. Op.2. D.1364. (In Russian)
9. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.33. Op.1. D.1418. (In Russian)
10. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.5355. (In Russian)
11. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.54433. (In Russian)
12. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.13. Op.1. D.54630. (In Russian)
13. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region]. F.94. Op.1. D.65. (In Russian)
14. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.3468. (In Russian)
15. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.22984. (In Russian)
16. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.13. Op.1. D.54433. (In Russian)
17. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.24716. (In Russian)
18. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.28980. (In Russian)
19. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.33466. (In Russian)
20. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.34574. (In Russian)
21. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.1. D.3707. (In Russian)
22. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.8. D.214. (In Russian)

23. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.8. D.331. (In Russian)
24. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.94. Op.13. D.37. (In Russian)
25. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.286. Op.2. D.297. (In Russian)
26. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.286. Op.2. D.410. (In Russian)
27. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan region]. F.286. Op.2. D.514. (In Russian)
28. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.290. Op.5. D.521. (In Russian)
29. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.290. Op.4. D.1330. (In Russian)
30. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.480. Op.1. D.3171. (In Russian)
31. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.480. Op.1. Sv.375.D.16. (In Russian)
32. Gosudarstvenny'j arkhiv Astrakhanskoj oblasti [The State Archive of the Astrakhan Region]. F.687. Op.2. D.2751. (In Russian)
33. Gubajdullin S. *Kazakovy'* [The Kazakovs] // *Gasy'rlar avazy' – Ekho vekov – Echo of ages*, 2004, no.2, pp. 210–216. (In Russian)
34. *Doktor Narimanov bək Narimanov əcənablary'n ozatu mərasime* [Farewell service of Their Excellency Dr. Nariman Narimanov] // *Idel – Volga*. July 16, 1913, no. 571. (In Tatar)
35. Zajtsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2004. (In Russian)
36. Zagidullin I.K. *Tatarskoe natsional'noe dvizhenie v 1860–1905 gg.* [The Tatar national movement in 1860–1905]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 2014. (In Russian)
37. *Islam v Rossijskoj imperii (zakonodatel'ny'e akty', opisaniya, statistika)* [Islam in the Russian Empire (legislative acts, descriptions, statistics)] / comp. by D.Yu. Arapov. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 2001. (In Russian)
38. Iskhakov D.M. *Tatary': kratkaya etnicheskaya istoriya* [Tatars: A brief ethnic history]. Kazan, Magarif Publ., 2002. (In Russian)
39. Krukovskaya E. *Astrakhanskij kraj. Po rodnoj zemle* [Astrakhan region. In the native land]. St. Petersburg, 1904. (In Russian)
40. Kurmanseitova A.Kh. *U istokov nogajskoj knigi (XIX – nachalo XX vv.)* [At the origins of the Nogai book (the 19th-early 20th centuries)]. Cherkessk, KChIGI Publ., 2009. (In Russian)
41. *Prikaspijskij kraj* [The Caspian Region]. March 6, 1911, no.90. (In Russian)
42. Rospis' g. Astrakhani na 1884 g. [Catalogue of the city of Astrakhan for 1884] Astrakhan, 1884. (In Russian)
43. Salikhov R.R. *Tatarskaya burzhuaziya Kazani i natsional'nye reformy' vtoroj poloviny' XIX – nachala XX veka* [Tatar bourgeoisie of Kazan and national reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Kazan, Fen Publ., 2004. (In Russian)

44. Sergeev A.P. *Promy'shlennost' Nizhnego Povolzh'ya v nachale XX v. Diss. kand. ist. nauk.* [Industry of the Lower Volga region in the early 20th century. Dr. Hist. Sci. diss.] Volgograd, 1971. (In Russian)

45. Tagirov I.R. *Revolutsionnaya bor'ba i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Povolzh'e i na Urale (fevral'-iyul' 1917 goda)* [Revolutionary battle and the national liberation movement in the Volga region and the Urals (February-July 1917)]. Kazan, Kazan State Univ. Publ. 1977. (In Russian)

46. Khasanov H.H. *Formirovanie tatarskoj burzhuaznoj natsii* [Formation of the Tatar bourgeois nation]. Kazan, Tatar Book Publ. House, 1977. (In Russian)

About the author: Marina M. Imasheva is a Doctor of Science (History), Associate Professor of the Department for Russian Regional Studies, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); imaschewa@yandex.ru